

**Отечественные записки, учебно-
литературный журнал. Том 87**

УДК 93
ББК 63.3
О-82

О-82 Отечественные записки, учебно-литературный журнал. Том 87 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 1003 с.

ISBN 978-5-518-09138-2

Издаваемый Андреем Краевским. Год пятнадцатый. Март

ISBN 978-5-518-09138-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ,
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non vocem
foris sonantem, sed intus auscultant
veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ LXXXVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ, 1 марта 1853 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

І.

Д И Н А.

РОМАНЪ.

Часть третья и послѣдняя.

І.

Вечеръ у госпожи Фаваръ.

Госпожа Фаваръ принадлежала къ лучшему кругу; дни ея были очень-многолюдны, не потому, чтобъ она могла представить своимъ посѣтителямъ всякій разъ какую-нибудь диковинку — индѣйскаго жонглѣра, путешествующаго пѣвца, дѣвицу, подражающую канарейкѣ на фортепьяно, будущую европейскую флейту, или, за неимѣніемъ всего этого — живыя картины, *chagrades en action*, наконецъ, группу дѣтей, играющихъ въ кегли, спящую собачку, или водевильный куплетъ, мастерски-сказанный охриплымъ господиномъ; ничего подобнаго нельзя было ожидать у госпожи Фаваръ, и между-тѣмъ гостиная ея была обыкновенно полна; даже мѣсто за роялемъ — этотъ эшафотъ, на который любезность хозяйки вѣчно возводитъ несчастныхъ *talents de société*, даже мѣсто за роялемъ обыкновенно оставалось во весь вечеръ незанятымъ, а гостиная госпожи Фаваръ была полна. Невозможно рѣшить, какъ это дѣлалось, но скука не такъ замѣтно выражалась на всѣхъ лицахъ въ ея день, нежели въ другіе дни и въ другихъ домахъ.

Она считалась очень-умной женщиной, и въ-самомъ-дѣлѣ умѣла говорить обо всемъ свободно и хорошо; у ней было нѣсколько дочерей, но ни одна не блистала талантами; слѣдовательно, гости госпожи Фаваръ были избавлены отъ необходимости восхищаться, удивляться, вдохновляться талантами ея дочерей. Дѣвицы Фаваръ были немножко избалованы, немножко-излишне преданы свѣту, немножко кокетки, но, впрочемъ, миленькія дѣвицы; онѣ были очень-высоки, очень-тонки, очень-легки, прекрасно танцовали; платья ихъ были очень-бѣлы, букеты всегда хороши. Рѣшительно, госпожа Фаваръ и ея дочери были тѣми лицами, которыхъ всѣ любятъ встрѣчать.

Кругъ знакомыхъ былъ у нихъ самый обширный. Хотя Фавары преимущественно старались принадлежать къ высшему кругу, но разъ у нихъ видѣли жену учителя ариѳметики, въ другой разъ — дочерей небогатаго аптекаря, а въ третій — ихъ учительницу рисованія. Только все это были маленькія, незамѣтныя неровности, и къ-тому же госпожа Фаваръ очень-ловко успѣла объяснить всему обществу, почему она должна была пригласить подобныя лица, а общество нашло, что госпожа Фаваръ превосходная женщина, обладающая въ высшей степени деликатностью души.

Съ половины девятаго гостиная госпожи Фаваръ стала наполняться; подносы съ чаемъ бѣгали, суетливо извиваясь по всѣмъ группамъ; группы были стоящія, сидящія и такъ-себѣ группы, ни стоящія, ни сидящія, а какъ-будто готовыя сдвинуться съ мѣста и заочевать по всѣмъ направленіямъ, какъ дѣлали ужъ это нѣкоторые господа и нѣсколько дѣвицъ, взявшихся подъ-руки.

Тутъ была княгиня Пенджебекъ, очень-гордая княгиня, хотя причинъ этой гордости никто до-сихъ-поръ не могъ открыть; у ней было восемь прегадкихъ сыновей и шесть взрослыхъ дочерей; дочери, впрочемъ, были нѣсколько-красивѣе сыновей. Тутъ была м-ме С*, красивая, полная женщина; она слушала господина въ фантастическомъ платьѣ съ висячими рукавами: господинъ съ висячими рукавами рассказывалъ что-то забавное и самъ первый хохоталъ. Князь Пенджебекъ сновалъ изъ угла въ уголъ и шевелилъ очень-проворно губами. Тутъ былъ умный, вкрадчивый баронъ Ридлеръ, очень-любезный фон-Вейскопфъ, какая-то незамѣтная дѣвица съ утомленнымъ лицомъ, и дама крѣпко-мѣтившая

въ лъвицы, съ злымъ выраженіемъ, съ нахмуренными бровями, съ исхудалой, вытянутой шеей.

— Какъ всѣ сегодня нарядны! говорила она своей сосѣдкѣ:— а я... посмотрите, что значитъ быть больно!.. Право, вовсе не заботишься о своемъ нарядѣ.

— Нѣтъ, вы очень-мило одѣты, отвѣчала сосѣдка.

— О, пожалуйста! И кандидатка въ лъвицы насмѣшливо ей поклонилась.

Шумя шелковымъ бѣлымъ платьемъ, влетѣла Фудряева, дама, неперестававшая быть молодой, хотя на-дняхъ выдала третью и послѣднюю дочь свою за-мужъ. Пунсовыя камеліи падали дождемъ съ головы ея на роскошныя плечи. Я бы могла эти плечи назвать просто плотными плечами, но мнѣ хочется употребить, для красоты слога, слово «роскошныя». Фудряева тяжело дышала въ крѣпко-стянутомъ корсажѣ своего платья; руки ея были — предпочтенныя руки; лицо темное, нѣсколько-красное, широкое; глазки (она, по старинному выраженію, дѣлала безпрестанно глазки) — глазки ушли подъ крутой лобъ и крошечный носикъ, который смотрѣлъ горделиво на всѣхъ съ ея широкаго лица. Въ этотъ вечеръ она старалась усвоить себѣ живость движеній баядерки, наивность институтки, оригинальность дикарки, вкрадчивое кокетство хитаны. Сидитъ она преважно гдѣ-нибудь и вдругъ, безъ всякой причины, сорвется оттуда и пролетитъ мимо васъ, приложивъ палецъ къ губамъ; то подсядетъ къ карточному столу, то заглянетъ въ карикатурное лицо сѣдаго и краснаго банкира; то станетъ вдругъ противъ извѣстнаго богача Сокрылина, который страшно гримасничаетъ, и начнетъ странно улыбаться всякой его гримасѣ, или вдругъ обернется и улыбнется шевелящему губами князю Пенджебеку... удивительно была мила въ этотъ вечеръ Фудряева! Особенно она мило подбѣжала къ госпожѣ Мирлитонъ и погрозила ей пальчикомъ, очень-пухленькимъ пальчикомъ, затынутымъ въ бѣлую лайку.

Госпожа Мирлитонъ ходила въ это время, склоняясь нѣжно на плечо очень-нарядной, очень-стройной дамы—дамы, несшей на своей головѣ тысячи тирбушоновъ, пять розъ и миньютюрную косу. Стройная дама заботливо поддерживала госпожу Мирлитонъ, которая совершенно свѣсилась на ея руку и часто прислонялась острымъ подбородкомъ къ ея плечу. Надо от-

дать справедливость подбородку госпожи Мирлитонъ: онъ былъ удивительно-остеръ, и вообще во всемъ лицѣ этой дамы не было ни одной округленной черты — вездѣ какіе-то острые углы; нѣсколько-круглѣе прочаго были проведены брови надъ длиннымъ прорѣзомъ синеватыхъ глазъ. Глаза госпожи Мирлитонъ вѣрно въ свое время были очень-хороши; она вѣрила, что они хороши и донинѣ, и то поднимала ихъ кверху, то полузакрывала еще довольно-длинными и густыми рѣсницами. Она была невелика ростомъ и старалась казаться еще меньше; ей ужасно хотѣлось казаться миловиднымъ существомъ, une petite femme caline effluette, и она обвила обѣими руками красивую руку стройной дамы и вся прильнула къ ней. Ея угловатая плечи были едва-прикрыты косыночкой à la paysanne; небольшой чепчикъ à la paysanne былъ накинутъ на пышно-расчесанные bandeau каштановыхъ волосъ; она ходила изгибаясь, граціозничая до невѣроятія. Ей хотѣлось имѣть гибкость и плѣвительность ландыша, рядомъ съ этой пышной камеліей.

Камелія — стройная дама, служившая опорой нѣжной госпожѣ Мирлитонъ, была въ своей пятьдесятъ-второй веснѣ, но зубы ея такъ крѣпки и бѣлы, что она ихъ безпрестанно показывала. Никто лучше ея не одѣвался: жемчужное ожерелье ея было въ этотъ вечеръ предметомъ зависти богачки Сокрылиной; брильянтовъ на ней было бездна, а платье отдѣлано съ удивительною роскошью и вкусомъ.

Молодой Гномовъ, недавно возвратившійся изъ Парижа, сидѣлъ одинъ въ углу, глубоко нырнувъ въ глубокое кресло, и рассматривалъ ногти, длинные, на диво отполированные, которымъ онъ успѣлъ сообщить самую красивую форму. Львица дѣлала ему знаки, которыхъ онъ долго не видалъ — до того былъ погруженъ въ свое занятіе; наконецъ онъ замѣтилъ, что его зовутъ, и бросился на диванъ рядомъ съ ней.

— Какъ вы несносны! сказала она: — я сегодня скучаю смертельно.

Онъ не отвѣчалъ и рассматривалъ ногти противъ ослѣпительно-сіявшей лампы.

Она взглянула на него и пожала плечами.

— Послушайте, это неоспоримо, сказала она, *décidément vous ne voyez que le bout de vos ongles.*

И, оставляя Гномова, львица порывисто встала и заняла его прежнее уединенное мѣсто.

— Что съ ней сегодня? спросила г-жа Мирлитонъ у своей пріятельницы болѣзненно-нѣжнымъ голосомъ и посмотрѣла на львицу такъ, какъ-будто собралась немедленно отдѣлиться отъ земли и улетѣть въ необозримыя пространства.

— Elle n'est pas en toilette, отвѣчала нарядная дама.

И обѣ тотчасъ снова откочевали въ залу.

Отдѣльно отъ другихъ кочующихъ фигуръ ходилъ польскій графъ Быстшицкій въ изумительно-стоявшемъ галстухѣ. Онъ тоже снялъ перчатки; на четвертомъ пальцѣ его руки было надѣто съ полторы дюжины колець, и этой рукой онъ держалъ трость, въ набалдашникъ которой былъ вдѣланъ лорнетъ. Графъ Быстшицкій разсматривалъ въ лорнетъ всѣхъ присутствовавшихъ и не разлучался съ своей тростью во весь вечеръ; иногда онъ становился въ отдаленномъ углу залы и оттуда, направляя свой лорнетъ на различныя группы, иногда сидя очень-близко отъ какого-нибудь господина, разсматривалъ его какъ-нельзя спокойнѣе; потомъ ставилъ трость въ сторону, снималъ свои полторы дюжины колець, очень, впрочемъ, хорошо ему знакомыхъ, и занимался разсматриваньемъ ихъ. Онъ во весь вечеръ не нашелъ ни одного человѣка, кого бы удостоилъ своимъ разговоромъ. Львица порхнула мимо, сказавъ съ колкостью, что совѣтуетъ направить лорнетъ на погги Гномова; графъ двусмысленно улыбнулся и сталъ надѣвать свои кольца.

Госпожа Мирлитонъ очень-сладостно улыбалась графу Быстшицкому, потому-что онъ былъ графъ (у ней была маленькая страстишка къ аристократическимъ знакомствамъ); въ г-жѣ Фаваръ эта страсть была гораздо-менѣе развита, надо ей отдать справедливость; нарядная дама находила, что Гномовъ тоже очень-недурень.

Было еще нѣсколько дѣвицъ и нѣсколько молодыхъ людей, которые не говорили ни слова другъ съ другомъ и даже старались не приближаться другъ къ другу; съ прекращеньемъ бального сезона, они взаимно охладѣли и рѣшили, что внѣ бальной залы невозможно говорить и рѣшительно говорить нечего. Дѣвицы шептались, хохотали вполголоса и ходили попарно, взявшись за руки. Молодѣжь видимо скупчалась; двое изъ лучшихъ танцоровъ бального сезона говорили

другъ другу, что вчера имъ было гораздо-веселѣе: они играли въ лото у актрисы Чурыковой — превеселая актриса! Къ этимъ двумъ молодымъ людямъ подошелъ одинъ изъ восьми Шенджебековъ, и разговоръ продолжался вполголоса, прерываемый тихимъ смѣхомъ.

Всѣ эти лица собрались сюда очевидно безъ всякой цѣли, ничто ихъ не занимало; они, какъ полусонные, бродили изъ одного угла въ другой, равнодушные къ встрѣчамъ съ прочими посѣтителями, неравнодушные только къ себѣ. Каждый боялся первый заговорить, первый подойти; каждый старался сохранить свое достоинство; только хорошо-знакомые подходили другъ къ другу, чтобъ сообщить вполголоса, что имъ очень-скучно, и идти далѣе.

Но между ними находился человекъ пріѣхавшій съ цѣлью; это тотчасъ можно было угадать по его тревожному, недовольному виду, по любопытному взгляду, который онъ такъ часто бросалъ къ дверямъ залы; замѣтно было, что онъ начиналъ терять терпѣніе. Это былъ Максъ де-Вильеръ, сынъ того самаго де-Вильеръ, который такъ долго былъ постояннымъ партнёромъ графини Сары и даже велѣлъ за ней, вѣрный привычкѣ не разставаться съ графиней, отправился на тотъ свѣтъ.

Графиня Сара давно ужъ не существовала. Она умерла скоропостижно, слушая чтеніе Нанеты, которая вдругъ была поражена паденьемъ мишьятирной золотой табакерки изъ рукъ графини на коверъ. Безъ малѣйшей борьбы, неожиданно для себя и для другихъ, Сара перешла въ вѣчность. Нанета вскрикнула, вмгъ разослала людей къ докторамъ, велѣла дать звать князю и княгинѣ Радуцкимъ и упала въ обморокъ; такъ ее нашла Варенька, прискакавшая немедленно въ наемной каретѣ. Радуцкаго отыскали къ-вечеру. Похороны были великолѣпные, и занавѣсъ надъ графиней Сарой на вѣки опустился. Никакое бремя не тяготило ея жизни— пусть будетъ легокъ ей могильный холмъ!

Въ послѣднее время своей жизни она, однако, иногда задумывалась надъ жизнью Радуцкихъ, о которой въ свѣтѣ многое поговаривали. Одни винили ее, другіе — его; Сара брала сторону Вареньки и громко вездѣ говорила, что она давно бы оставила такого мужа, будь только она на мѣстѣ княгини

Радуцкой. Но Радуцкіе еще полгода послѣ ея смерти жили подъ одной кровлей.

Максъ де-Вильеръ продолжалъ повременамъ нетерпѣливо оглядываться. Это былъ красивый, высокій и стройный молодой человѣкъ. Лицо его до того бѣло, что многіе подозрѣвали де-Вильера въ употребленіи вспомогательныхъ средствъ; яркій румянецъ то сильнѣе разливался по впалымъ щекамъ, то гасъ слегка; черные курчавые волосы падали нѣсколько-небрежно на невысокій и подавшійся назадъ лобъ; орлиный носъ, небольшой, съ рѣзко-обозначенными ноздрями, бархатный и черный какъ смоль усъ, опущенный книзу по китайски, гармонирующій съ довольно-длиннымъ, уклоненнымъ назадъ подбородкомъ; глаза большіе, яркіе, съ густыми, прямыми рѣсницами, рѣзко-выдающіеся на фарфоровомъ бѣлкѣ, и рѣзкая бровь — все это заставляло съ перваго взгляда рѣшить, что Максъ красавецъ. Рука его сухощавая, бѣлая, безукоризненной формы, узкая нога и щеголеватая стройность стана удовлетворили бы и болѣе-подробный анализъ. Приемы и походка отличались удивительной щеголеватостью; онъ говорилъ мало, улыбался медленной и лѣнивой полуулыбкой, танцевалъ превосходно и даже съ нѣкоторою изысканностью, хотя, взглянувъ на Макса, никакъ нельзя было предполагать, что этотъ человѣкъ станетъ въ кругъ танцующихъ. Быть-можетъ, оттого-то ловкость и изящество его въ танцахъ и охота, съ которой онъ имъ предавался, поражали, какъ и все остальное, въ красавцѣ де-Вильерѣ. Никакъ нельзя рѣшить, отчего всегда казалось, что де-Вильеръ не танцуетъ; онъ былъ молодъ, лѣтъ двадцати-пяти на видъ, не болѣе, и фигура такая щеголеватая — а между-тѣмъ съ перваго взгляда придешь непременно къ заключенію, что этотъ человѣкъ не пойдетъ танцевать, ни за что танцевать не станетъ; о онъ вмѣшивался въ кругъ танцующихъ, и всѣ невольно любовались имъ.

Конечно, нельзя сближать танцевъ съ такимъ сильнымъ и многозначимымъ чувствомъ, какъ любовь; а странно, что и любовь казалась чувствомъ, несвойственнымъ Максу де-Вильеру.

Глядя на Макса, непременно всѣ приходили къ заключенію, что этотъ человѣкъ не станетъ любить, никогда не полюбитъ, и вѣрнѣе всего, никогда не любилъ; что дружба еще менѣе ему свойственна: такъ вообще онъ казался неспособ-

нымъ къ привязанностямъ, какого бы рода онѣ ни были. И между-тѣмъ то была неудержимая въ своихъ порывахъ натура, но натура, живущая только порывами. Онъ не боролся ни съ одной изъ своихъ страстей; онъ щеголялъ беспорядочностью своей жизни, и ни чуть не былъ недоволенъ, если его считали человѣкомъ безъ правилъ. Правила у него были, но свои особенныя; только сердца у него не было: онъ никогда никого не пощадилъ и никогда ни о комъ не пожалѣлъ. Женщинамъ онъ внушалъ страхъ и любопытство, мужчинъ отъ него что-то отталкивало. Но, несмотря на это, вся лучшая молодёжь толпилась у него; со всѣми онъ былъ знакомъ, или, скорѣе, всѣ знакомились съ нимъ; онъ жилъ, какъ говорится, открыто, весело, былъ удивительно у себя любезенъ, вовсе нестѣснителенъ, а главное, въ отношеніяхъ своихъ съ молодыми людьми умѣлъ ввести какое-то равенство: у него не было близкихъ, но не было и враговъ. На репутаціи онъ не смотрѣлъ, хорошихъ и дурныхъ людей ставилъ на одну доску безъ разбора; ко всѣмъ былъ одинаковъ.

— Какъ онъ тревоженъ сегодня! сказала нарядная дама, оглянувшись на Макса.

— Arrive-t-elle ou n'arrive-t-elle pas? спросила г-жа Мирлитонъ.

— Странная будетъ встрѣча: мужа тоже пригласили, замѣтила нарядная дама.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? И г-жа Мирлитонъ тихо засмѣялась.

Въ это время вошелъ Радуцкій. Онъ кивнулъ головой старшему изъ Пенджебековъ, протянулъ мимоходомъ руку графу Быстшицкому и, скользя въ гостиную, отъискивалъ хозяйку, бросая вокругъ себя безпокойный взоръ.

Онъ былъ ужъ въ отставкѣ и слегка начиналъ полнѣть; одѣтъ превосходно; завить старательно; въ глазахъ какой-то беспорядочный огонь, въ улыбкѣ тѣ же вѣтренность и безпечность; только краски молодости сбѣжали, мягкость линій исчезла, и лицо изъ обыкновеннаго чуть-чуть не сдѣлалось пошлымъ; по-крайней-мѣрѣ въ цѣломъ ярко проглядывало все ничтожество его характера, вся безалаберность его жизни.

— Очень-рада васъ видѣть у себя! проговорила г-жа Фаваръ на его привѣтствіе, и онъ тотчасъ снова выскользнулъ въ залу.

Шумъ женскаго платья заставилъ его оглянуться въ одно